

УДК 1(075.8)

ГУМАНИТАРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

© 2009 г.

В.Ю. Яковлев

Костромской государственной технологической университет

yakovlevv51@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2008

Проводится теоретический анализ гуманистических и гуманитарных тенденций в современной философии науки. Излагаются принципы культурно-мировоззренческой рефлексии научного познания как феномена социального бытия человека.

Ключевые слова: философия науки, основания научного знания, наука и ценности, этическое измерение науки.

Осмысление оснований человеческого разума относится к традиционной философской проблематике, которая исторически получала различную теоретическую интерпретацию. В современных условиях концепция научной рациональности связана с углублением представлений о структуре и характере предпосылок познавательной деятельности, с преодолением представлений о ней как сфере деятельности «чистого» разума, рассмотрением *человеческого* измерения познавательной деятельности в контексте культуры. При этом характеристика социальной детерминации научного познания развёртывается в эпистемологии в ряд частных вопросов теоретического характера: насколько автономна наука от порождающей знание деятельности, каковы его неявные экзистенциальные и субъективные предпосылки?

Классическая научная рациональность сформировалась на принципах противопоставления объективного содержания знания и субъективных предпосылок его производства. Образ мира, который постулировала новоевропейская наука, оказался «непроницаемым для человека... царством необходимости и случая, в котором не было места для смысла» [1, с. 354]. Объективистские натуралистические установки выносили осмысление и понимание мира в системе ценностей социального бытия человека за пределы предмета научной рефлексии.

Элиминация субъективности в классической научной рациональности, однако, не освобождала научное познание от иллюзий и заблуждений. Этически «нейтральная» наука предстала в образе грандиозного модернистского проекта эпохи Просвещения, нацеленного на построение научной картины мира, сотканной из абсолютных истин, не изменяющихся со временем,

но лишь дополняющихся кумулятивным образом новыми элементами обоснованного знания. Таким образом, формировался мифоподобный образ самой науки, который представлял её в рафинированно «чистом» виде как сферу знания, отделённую системой формализмов от мира человека. Однако такой образ являлся идеальным, а сами критерии научной рациональности оказались исторически изменчивыми. Но, что особенно важно, наука, методологически нацеленная на элиминацию человеческих смыслов, лишалась собственных источников гуманитарного развития. Объект познания становился внечеловечным, внеисторичным, а научная картина мира стала отождествляться с самой реальностью «самой по себе» вне «жизненного мира» человека в терминологии Э. Гуссерля. Забвение жизненного мира объективистски ориентированным математическим естествознанием Нового времени Э. Гуссерль считал источником кризиса европейской культуры [2]. Такая мировоззренческая позиция в познавательной деятельности способствовала сциентистской установке, которая в современных условиях на фоне глобальных проблем является предметом критики и всестороннего обсуждения.

Требованием современной научной рациональности является осмысление многосторонней взаимосвязи внутренних ценностей научного познания с внешними ценностями и целями культуры. В научном сообществе формируется понимание, что изоляция теоретического разума от смысловых проблем аксиологического содержания является предрассудком классической рациональности, основывающейся на механистическом образе мира, устроенного по принципам каузальной связи жёсткого

детерминизма, где нет места человеческому и субъективному.

Существенным моментом современного понимания научной рациональности является отказ от монологического, внечеловеческого понимания теоретического разума и переход к представлению о нём как гетерогенному образованию, в котором реализуется диалогическое взаимодействие различных ценностно-смысловых позиций, что актуализирует задачу философской экспликации социокультурных оснований научного познания. В таком аспекте научная рациональность освобождается от асоциального и внеморального статуса в классическом понимании, в котором авторитет разума опирался на чистое самосознание (Декарт), на трансцендентальный разум, по Канту.

Исследования современной философии науки, социологии знания и философии постмодернизма показали, что практика реального научного познания никогда не начинается с непосредственного обобщения фактов и постулирования гипотез – любая теоретическая концептуализация предмета научного исследования предполагает совокупность онтологических и мировоззренческих допущений социокультурного характера, представляющих неявную предпосылку научного исследования. Таким образом, мир человека (культура) предстаёт в качестве основания теоретического конструирования знания, вследствие чего меняется само направление поиска детерминирующих факторов развития науки.

В классическом представлении цель рационального познания виделась в достижении интуитивной, эмпирической и логической обоснованности знания, обеспечивающего в перспективе субъекта познания неизменной истиной, которая не предусматривает в принципе аксиологической рефлексии знания. Субъект познания не несет никакой *ответственности* за принятие рационального суждения, выбор научных фактов и теорий, исходные установки которых определяются безапелляционными внешними объективированными критериями логических, эмпирических, интуитивных или априорных принципов, на основании которых субъект познания претендует на истину.

Экспериментально-математическое естествознание XVII–XVIII вв. вывело понятие смысла, цели и ценности из сферы научной рефлексии. Общим принципом стало положение, что функция науки — описание объективных фактов и причин, в которых цели и ценности выглядели как анахронизм аристотелевской телеологии. Традиционное противопоставление объ-

ективной истины и субъективных ценностей в научном познании основано на неявном отождествлении мысли о сущем и самой объективной реальности. Объект познания в классической науке трактовался как очевидный и «естественный», не опосредованный мировоззренческими процедурами смыслообразования в знаково-символическом универсуме культуры. Однако такая позиция классической рациональности в современной эпистемологии оценивается как наивно-натуралистическая, так как беспредпосылочного знания, не опосредованного неявными культурно-мировоззренческими предпосылками, не существует.

Наука является специфически человеческим способом отношения к действительности. Такая интерпретация мировоззренческого образа науки предполагает не только социальную ее характеристику, но и определенную онтологию, в контексте которой выражаются фундаментальные характеристики бытия человека в мире.

В классической философской традиции кантовская интерпретация проблемы *оснований* разумного суждения заложила фундамент осмысления деятельности научного мышления. Его характеристика разума и рассудка способствовала осмыслению познания как конструктивной деятельности сознания, которая впоследствии толковалась различным образом в неклассической интерпретации в концепциях Шопенгауэра, Ницше, Дильтея, Риккерта и других философов.

В концепции Канта теоретический разум, в трансцендентной устремленности выхода за пределы конечного познавательного опыта, неизбежно впадает в противоречия (антиномии), которых удаётся избежать практическому разуму (сфере нравственного выбора и свободы). Иными словами, в основе теоретического разума, как способности к целеполагающей деятельности мышления, обнаруживается более фундаментальное основание – практический разум (сфера нравственности, в которой человек как трансцендентное начало является целью причинных событий). Кантовский подход стал революционным для своего времени. В отличие от эмпиризма Локка и Юма и рационализма Декарта и Лейбница, он ориентировал, во-первых, на конструирующую деятельность разума в процессе познания всеобщего, который не отражает реальность, так сказать, зеркальным образом в сознании субъекта, а «творит» образ мира в человеческой способности мышления. Во-вторых, практический разум, по Канту, является подлинной сферой смыслообразования, царством целей и свободного выбора

человека, который был, однако, ограничен сферой нравственности. В этом отношении, в отличие от практического разума, кантовская концепция обоснования теоретического знания показала свою ограниченность. Несостоятельным оказался априорный способ обоснования разума как неисторичного и асоциального, предпосылками которого были ограниченные образы классической науки, принятые в культуре эпохи Просвещения.

В противоположность этой презумпции в постнеклассическом типе рациональности [3] субъект научного познания не является надчеловеческим трансцендентальным феноменом. В системе жизнедеятельности общества он организован в научные сообщества, принимает исторически обусловленные ценностно-концептуальные позиции, научно-познавательная деятельность детерминируется определенной системой дифференцированных мировоззренческих установок. Это поднимает вопрос о гуманитарных критериях научной рациональности, не теряя при этом фундаментальной установки науки на адекватное отображение реальности, не допуская подмены истины частными корпоративными интересами. В частности, такую подмену, по нашему мнению, можно обнаружить в постмодернистской концепции философии науки, которая, преодолевая мифы классических идеалов рациональности о беспредпосылочном разуме и «внеаходимом» субъекте, отбросила вместе с тем и установку на адекватное и объективное описание реальности, сводя познавательную деятельность к свободной игре интерпретаций и конвенций [4, с. 10].

Новаиии понимания роли человеческого фактора в постнеклассическом образе науки основаны на отказе от монолистского, трансцендентального познающего сознания, присущего классическому образу науки с фиксированными стандартами «абсолютного», универсального разума.

Классическая наука, исследуя объект, стремилась в его описании и теоретическом объяснении устранить по возможности всё, что соотносится с субъектом и процедурами его деятельности. При этом такое устранение рассматривалось в качестве необходимого условия получения объективных по содержанию знаний [5, с. 123]. Господствующим принципом стал объективизм, характеризующий стремление познать предмет «сам по себе», без учёта условий производства знания в деятельности мышления. Теоретический разум ориентировался на истину, соотносимую с объективной реальностью, но независимую от практической деятельности

социального субъекта. В соответствии с классическим пониманием истины в аристотелевской традиции К. Поппер отмечает: «суждение... истинно, если, и только если, оно соответствует фактам» [6, с. 380]. Однако в современной эпистемологии такой объективистский принцип обоснования знания становится односторонним и ограниченным. При этом более пристальном внимании к проблеме объективности знания возникает ряд вопросов. Как *возможно* суждение о соответствии? Как соотносятся *истинное* описание реальности и *ценностное* отношение к ней в структуре научного познания?

С позиций логического позитивизма образцом рациональности являются формально-логические выражения языка науки. «Ценностные суждения являются не более чем приказами, принимающими грамматическую форму, вводящими нас в заблуждение», утверждал Р. Карнап [7]. Критика неопозитивизма в «исторической школе» философии науки (Дж. Агасси, Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейерабенд) была связана с отходом от идеологии демаркации между наукой и метафизикой, признанием ценностных компонентов в качестве регуляторов научного познания.

Сторонники «исторической» школы пришли к выводу, что в реальной практике научно-познавательного процесса исследователи руководствуются неявными концептуально-мировоззренческими установками, которые определяют способ выбора и построения научных теорий. Терминологически это выражалось различным образом. В концепции Т. Куна смыслообразующая мировоззренческая система, стимулирующая развитие знания, определена «парадигмой», в работах Д. Поппера – «фоном научного исследования», у И. Лакатоса – «ядром исследовательской программы», у С. Тулмина – «исследовательскими популяциями».

Парадигма Т. Куна опирается на предпосылки ценностного содержания, непроверяемые на основании рациональных доводов. Более того, с позиций методологического «анархизма» П. Фейерабенда наметился принципиальный отказ говорить о существенных ценностных различиях между наукой и внеаучными сферами осмысления мира – мифом и философией. Однако концептуализация взаимосвязи внутренних и внешних ценностей науки, исследование функций ценностей в процессе производства научного знания были реализованы в «исторической школе» философии науки сугубо субъективным образом. В частности, выбор парадигмы в концепции Куна определяется в социально-психологических терминах и напоми-

нает процесс обращения учёных в новую веру или подобен переключению гештальта [8, с. 45].

Таким образом, обе программы исследования в своей абсолютизации принципов познавательной деятельности уязвимы, ограничены и в этом смысле далеки от реального исторического процесса развития науки. Универсалистский, внеисторический подход нормативной эпистемологии неопозитивизма не в состоянии в рациональной сфере описать «контекст открытия», то есть становления и развития знания, в то время как «исторический подход» в философии науки оборачивается иррационализацией познавательных инициатив перехода от одних концептуальных объяснений предмета научного познания к нетрадиционным его описаниям.

Следует подчеркнуть, что дилемма «универсализма-историзма» когнитивных критериев научности далеко не тривиальна. Она вновь и вновь напоминает о себе как проблема оснований научной рациональности, соотношения истины и ценностей, которые в своей абсолютизации искусственно обособляются друг от друга. При этом ошибочно упускается, что теоретический разум обладает одновременно когнитивно-методологической и ценностно-смысловой перспективой. Научная рациональность как феномен человеческой деятельности является когнитивно-ценностным диалектическим единством осмысления мира в формах социального бытия человека как субъекта познания. В таком противоречивом единстве проблема критериев рациональности не может решиться раз и навсегда универсальным образом в логико-методологическом контексте, ибо это не частная логическая проблема, а форма мироотношения человека, познающего мир по меркам объективной предметности социального бытия, практического преобразования мира и ценностно-смыслового его освоения.

Объективное описание реальности и ценностное отношение к ней, как стороны единого человеческого разума, взаимосвязаны и предполагают друг друга: абсолютизация какой-то одной из сторон этой целостности приводит к тому, что принципы, методы и процедуры научного исследования трактуются сугубо односторонне. В том случае, когда им даётся сугубо объективистская гносеологическая интерпретация в категориях «истинно-ложно», научная методология отождествляется с определенным набором универсальных критериев научности, ограничивающих деятельность научного мышления однозначно заданными принципами обоснования знания. Противоположная стратегия, предполагающая отказ от универсальных

критериев научности, в своей абсолютистской крайности размывает знание в социально-культурных детерминациях: результаты научного познания становятся всего лишь условными *конвенциями* научных сообществ, никак не связанными с предметом описываемой реальности.

Сложность проблемы заключается в противоречивом единстве и взаимообусловленности рациональной ориентации науки на объективно-истинное познание мира и ценностное осмысление знания в процессе его социокультурной детерминации. В таком качестве ценности и смыслы социального бытия не являются внешним модусом *cogito*, а выступают в качестве необходимой предпосылки познавательного выбора. «Истина нуждается в человеке», – отмечает М. Хайдеггер [9, с. 129], а не является аксиологически нейтральным продуктом деятельности рассудка.

Познавательное (объясняющее реальность) и ценностное суждение являются двумя взаимосвязанными «координатами» знания, которые образуют многочисленные переходные формы, из которых на практике конституируется научное познание. Таким образом, познавательное и ценностное отношение к объекту дополнительны и противопоставляются лишь силой абстракции. Отрыв ценностей от истины, аксиологического и гносеологического подхода, объяснения и понимания, практического и теоретического разума представляется неоправданным упрощением реальной сложности познавательной деятельности, опирающейся на определённые предпосылки ценностного и мировоззренческого характера.

Наука опирается на опытные апробированные и обоснованные факты. Однако эти факты не только «теоретически нагружены», как заявил постпозитивизм, но и ценностно осмыслены. Они получают легитимное право именоваться фактами в силу того, что имеют определённое аксиологическое семантическое значение, выделяющее их из тысячи других необходимых и объективных связей и отношений предмета исследования. Иначе говоря, цель научного предприятия – объективная истина – недостижима без ценностного выбора, благодаря которому предметные свойства объекта обретают человеческое осмысленное значение, а факты «как вещь в себе» становятся «вещью для нас». Теоретически объясняя факты, субъект познания интерпретирует, сообщает дополнительную информацию о социальном контексте производства научного знания. В силу этого эпистемологическая экспликация науки не может быть полноценной в отвлечении от целост-

ной жизнедеятельности исторического субъекта и абстрагирования от экзистенциально-аксиологических составляющих бытия, благодаря которым в конечном итоге возможно конституирование самого научного знания.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что понятия «ценность», «смысл», «значение», «оценка» являются не только традиционно аксиологическими, но в свете сказанного выше предстают также в новом, нетрадиционном качестве – в онтологическом и эпистемологическом статусе, как бытийное основание деятельности субъекта научного познания и духовно-практического освоения мира человеком. Истина перестаёт быть только атрибутом знания и теоретического разума, представление о ней углубляется до понимания ее как характеристики социального бытия человека.

Исходя из этого, необходима, на наш взгляд, целостная «рассудочно-разумная» экспликация деятельности мышления, которая позволяет осмыслить диалектическое единство того, что традиционно воспринимается взаимно исключаящим друг для друга: истины и ценностей, познания и культуры, эпистемологического и аксиологического. Воспринимая рациональность науки сквозь призму духовно-практических оснований знания (т.е. практический разум), мы получаем единство, в котором реализуется взаимообусловленность познавательного и ценностного, которая воспринимается традиционно в картезианской субъект-объектной оппозиции, в которой разум является «асоциальной» способностью *cogito*. В последнем случае мы имеем в виду принципы неопозитивистской концепции науки, исходящей из предположения, что получение объективного знания возможно только благодаря устранению всех предпосылок деятельности субъекта как искажающих «идолов мышления» (Ф. Бэкон) на пути получения истины, независимой от человека и человечества.

Особенностью постнеклассического понимания научности является двойная представленность субъекта в процессе познания: с позиций социального бытия человека и коммуникативно-диалогического характера процесса социального конструирования знания. Это предполагает значимость философской рефлексии знания как осмысления реальности, герменевтических процедур понимания, преодоление наивно-реалистического отождествления предмета и объекта науки, плюрализм и конкурентность теоретических концепций как форм соединения объективного описания с ценностями и целями

жизнедеятельности человека. Такая позиция указывает не только на сугубо когнитивные функции субъекта познания, но и ставит проблему *ответственности* субъекта познания, актуализирует необходимость учёта экзистенциальных, ценностных и антропологических характеристик научного познания. Открывая неизведанное в процессе познания, человек, как агент социальной коммуникации, принимает на себя определенные риски, совершает поступок, в терминологии М.М. Бахтина, который подчеркивал: «Поступок в его целостности более чем рационален – он ответственен. Рациональность только момент ответственности...» [10, с. 103], который не охватывает всю деятельность человека.

Такой подход предполагает необходимость переноса исследования проблем познания из собственно логико-методологической и гносеологической сферы исследования в область социальной онтологии человека. Тем самым формируется понимание принципиальной нередуцируемости рационального познания к логике, неэлиминируемости из него «человеческого контекста», который в условиях превращения науки в ведущую производительную силу общества задаёт потребность в гуманизации и гуманитаризации научно-технического процесса. В научном сообществе формируется понимание, что отношение субъекта к предмету познания не является рецептивной, априорной познавательной способностью рассудка. Оно изначально опосредствовано и детерминировано «историческими априори», укоренёнными в структуре познания мировоззренческими предпосылками, которые определяют рамки «горизонта» понимания субъектом объективной реальности, в которых выражаются частные модели ее интерпретации.

Рациональность науки в постнеклассической интерпретации основана на понимании невозможности монологического, универсального разума с однозначными универсальными стандартами обоснования, объяснения и описания научного знания. Современная познавательная ситуация предполагает коммуникацию различных познавательных позиций, в соответствии с чем возникает проблема реализации их конструктивного диалога, без перехода при этом на позиции беспринципного эпистемологического релятивизма.

Осознание внутренней неоднородности познавательной деятельности, обусловленности когнитивных установок многообразием внешних и внутренних социальных детерминант развития научного познания, способствует крити-

ческому исследованию его оснований, что, в свою очередь, расширяет рамки самого методологического исследования науки.

Востребованной становится культура рефлексии оснований науки, направленная на осмысление аксиологических, этических и мировоззренческих предпосылок научной рациональности, открытой для конструктивной критики познавательных позиций, которая является необходимым условием против ограниченности, признающей за истину единственную, собственную парадигму. Ценностью современной научной рациональности становится понимание, что объективное по своему содержанию знание конституируется не в результате зеркального отражения, а в культурно-мировоззренческих формах социального бытия человека, которые являются необходимыми условиями его производства. Вследствие этого методология и эпистемология должна ориентироваться не только на изучение методов описания объекта, но и на изучение способов и процедур деятельности субъекта, ориентирующегося в процессе коммуникации на определённые ценностно-смысловые установки в качестве представителя определённой культуры. Экспликация этих познавательных процедур традиционно относилась к методологии гуманитарных наук. Однако в свете современных инноваций (формирование синергетической картины мира) такая установка является не менее актуальной и востребованной для естественно-научного знания. Это продиктовано тем, что, с одной стороны, предмет постнеклассического естествознания в существенной мере гуманитаризируется: методы исследования начинают использовать методологию гуманитарных сфер знания. В частности, методологически значимой становится проблема исторического становления бытия предмета естественно-научного исследования, процедур понимания, интерпретации, осмысления норм и ценностей естественно-научного знания, регулирующих процесс концептуализации синергетического предмета исследования. С другой стороны, в методологии естественных наук осмысление гуманитарных принципов научного познания происходит через рефлексию его мировоззренческих установок и онтологических предпосылок, преодоление объективистской и натуралистической ограниченности классических образов научности. Эти тенденции взаимосвязаны с процессами гуманизации науки, которые диктуют требование использования знания с позиции ценностей человеческого существования, затрагивающих социальное бытие человека. Такие презумпции познавательной деятельности формируются в ситуации включе-

ния в качестве объектов комплексных исследований «человекоразмерных» предметов, элементом которых является сам человек, что предполагает проведение необходимой экологической, аксиологической и этической экспертизы как составной части самого научного исследования [11, с. 43].

Таким образом, определение в эпистемологии человеческого измерения познания приводит к отказу от противопоставления, говоря кантовским языком, теоретического и практического разума, свойственного классическому типу рациональности, идеологии жесткой «демаркации» между метафизикой и наукой, присущего логическому позитивизму, осмыслению интеграции познавательных и ценностных установок научно-познавательной деятельности. Эта тенденция связана с углублением рефлексии предпосылок познавательной деятельности, определением мотивации субъекта познания ценностными установками. Асоциальный, бессубъектный разум, с априорной способностью суждения, свободный от воздействия ценностных установок, становится предметом критики и, следовательно, понимания. Это продиктовано тем, что при столкновении с «человекоразмерными» предметами постнеклассической науки (В.С. Степин), элементом которых становится сам человек, рациональность научного мышления предполагает не элиминацию ценностных установок, а развёрнутую их критическую рефлексию.

В конечном итоге это заставляет существенно пересмотреть эпистемологический статус субъекта научного познания по сравнению с его пониманием в классической научной рациональности, в контексте которой роль субъекта основывалась на том, чтобы обрести твердые фундаментальные основания интуитивной, эмпирической и логической достоверности знания, которые гарантировали его от теоретико-познавательных ошибок и заблуждений. Обладая в представлении классики принудительным авторитетом объективной достоверности для теоретического разума, эти допущения освобождали субъекта от ответственности выбора познавательной позиции. В известном смысле по отношению к нравственным ценностям классическая наука была аморальной, в том отношении, что она позиционировалась вне нравственного сознания, практического разума в терминологии Канта. Логика разума и ссылка на эмпирические факты являлись высшим авторитетом для субъекта.

Однако в ситуации, когда развитие технологической цивилизации подходит к рубежу, на ко-

тором масса научно-технического воздействия на природу становится соразмерной массе воспроизводимого самой природы, «классически-просветительское», т.е. сформировавшееся в эпоху Просвещения противопоставление истины и ценностей становится неадекватным и антигуманным. В постнеклассической науке субъект познания не может сослаться на привилегированные эксклюзивные презумпции теоретического разума, апеллируя к авторитету логики и очевидных эмпирических фактов. Он вынужден принимать на себя всю меру ответственности, связанной с выбором системы ценностей собственной познавательной позиции в рамках конкретной проблемной ситуации.

Таким образом, требованием современной научной рациональности является осмысление многосторонней взаимосвязи внутренних когнитивных ценностей научного познания с внешними ценностями и целями культуры. Рефлексия научного познания как формы социального бытия, духовно-практического освоения действительности способствует целостной экспликации механизмов производства знания в единой системе методологических и социальных детерминант его развития. Это позволяет соотнести теоретико-познавательные вопросы творческого развития научного знания с его гуманизацией, направленностью на ценности и цели человеческого существования, что в условиях современного статуса

научного познания в жизнедеятельности общества является особенно актуальным и поистине злободневным.

Список литературы

1. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
3. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.
5. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники. М.: МФФ, 1998.
6. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
7. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки. Изд. 2. М.: Academia, 2003.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2001.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
10. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986.
11. Стёпин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологические аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3.

HUMANITARIAN DIMENSION OF SCIENTIFIC RATIONALITY

V. Yu. Yakovlev

Theoretical analysis of humanistic and humanitarian trends in modern philosophy of science is presented. Some principles of the cultural and ideological reflection of scientific knowledge as a phenomenon of social being of a person are stated.

Keywords: philosophy of science, basis of scientific knowledge, science and values, ethical dimension of science.